

УДК 39(470.67)

АРМЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ДАГЕСТАНА

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-21-20004)

М. М. Магомедханов,
М.К. Мусаева

Институт ИАЭ ДНЦ, Махачкала

mkhan@yandex.ru
majsarat@yandex.ru

*«...Наше будущее, и мы об этом говорили всегда, связано с Россией,
а насколько свободна Россия,
настолько лучше как для нас, так и для всего мира»
(Ованес Туманян)*

Аннотация: Статья посвящена некоторым страницам истории развития торгово-экономических отношений дагестанских народов с различными государствами, областями и народами в связи с заселением армянского населения в районах русского влияния. Обращено внимание на то, что массовая миграция армян на Терек и Сулак была обусловлена укреплением позиций Русского государства в регионе Каспия.

Отмечается также, что царская администрация, в целях экономического подъема этого региона, развития здесь новых отраслей хозяйства, устанавливала для армян особые привилегии.

Annotation: The Article is devoted to some pages of the history of the development of trade and economic relations of Dagestan peoples with various States, provinces and peoples in connection with the settlement of the Armenian population in areas of Russian influence. Attention is drawn to the fact that mass migration of Armenians to the Terek and Sulak was due to the strengthening of the Russian state position in the Caspian region.

It is also noted that the Imperial administration in order to the economic recovery of the region and the development of new industries, established for the Armenians special privileges.

Ключевые слова: Дагестан, Прикаспий, Кизляр, армяне, привилегии, торговля, экономический подъем.

Key words: Dagestan, Caspian region, Kizlyar, Armenians, privileges trade, economic recovery.

Среди «диаспоральных» народов, имеющих косвенное или прямое отношение к Кавказу, обычно называют армян, евреев и черкесов. Почти две трети армян проживают за пределами своей этнической территории. Известно, что экономическое и общественное положение армянской диаспоры по многим параметрам выше, чем у армян, проживающих в пределах Армении. По-видимому, это объясняется высокой степенью этнической солидарности армян, их превосходным умением осваивать и адаптировать любые политические системы, социальные среды, экономико-географические пространства «для содействия успешному экономическому и культурному развитию Армении и сохранению этнокультурной самобытности армян, живущих за пределами этнической родины» (*Тер-Саркисянц А.Е.*, 2005. С. 581).

Армяне на Кавказе были известны многим народам, и называли их по-своему (ермалы – адыги, ерменли – карачаевцы и балкарцы, эрмало – вайнахи, эрмени – азербайджанцы; грузины называли армян «сомехи», а осетины – сомихаг (*Волкова Н.Г.*, 1973. С. 4) и т.д. Название армян есть во всех языках дагестанских народов: эрмени / эрмели / элмени (кумык.), эрмени (лезг., табас., цахур),

ерменлиол (анд.), эрмалар (дарг.), эрмелы (ногай.), цомохияв (бежт.), армани (лак.) (*Оразаев Г.М.*, 1989. С. 99).

К XVIII в. относится массовое появление на территории нижнего Терека и Сулака армян и грузин. Рассматривая в историческом аспекте миграцию армянского населения на Северный Кавказ, в нижнее Притеречье, в частности, следует отметить обусловленность этого процесса укреплением позиций Русского государства в Прикаспии.

С армянами-переселенцами российские власти связывали надежды на быстрый экономический подъем этого региона, развитие здесь новых отраслей хозяйства.

Присутствие в Астрахани армянской диаспоры создавало благоприятные условия для посещения армянскими купцами крепости Терки, где, по свидетельству источников, не только проживали местные кумыки и русские, но и на время оседали армянские купцы (*Шидловский Ю.*, 1843. Ч. 4. С. 191–192).

Массовое переселение армян в Россию стало частью официальной российской политики в XVIII в. Основы этой политики были заложены Петром I, который предвидел выгоды, связанные с деятельностью армянских предпринимателей в России.

Петром I были изданы указы, относящиеся к торговле с армянскими купцами, в частности, указы 1711, 1719, 1720 гг., по которым представителям армянских торговых кругов были предоставлены значительные привилегии. «Армяне получили при проезде чрез Россию некоторые облегчения в пошлинах. С драгоценных камней и жемчугу перестали с них брать пошлину с 1711 г. и когда они в Астрахань, или Терки прибыли, то давались им конвои для безопасности, чего прежде никаким иностранным купцам не чинилось» (*Соймонов Ф.И.*, 1763. С. 326.).

По указу Сената от 2 марта 1711 г., льготные условия для армянских купцов должны были содействовать первоочередной задаче «персидский торг умножить, и армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для их большого приезда» (Цит. по: *Соловьев С.М.*, 1962. С. 353).

Развитие торгово-экономических отношений армян с Россией создавало почву и для складывания политических отношений. Благодаря привилегиям, предоставленным армянским купцам, участились случаи приезда по торговым делам армян из Дербента, Шемахи и других районов Закавказья в районы Терека и Прикаспия.

После петровских походов в Прикаспийские области усилился поток армянского населения Персии и Турции в этот край. В этот период армяне на призывной голос Петра, сливавшийся с голосом их сердец, спешили целыми семьями переселиться и водвориться в пределы России (*Глинка С.*, 1832. С. 246).

Хотя в целом население края доброжелательно отнеслось к действиям России в Прикаспии, некоторые дагестанские феодалы враждебно приняли приход русских войск в этот регион (*Лысцов В.П.*, 1951. С.150–151). Если учитывать этот факт, то можно понять, почему российские власти были заинтересованы в увеличении числа грузинского и армянского христианского населения, придерживающегося русской ориентации. Не случайно в инструкции Петра I от 23 мая 1724 г. главнокомандующему русскими войсками в Прикаспии генерал-лейтенанту М. Матюшкину отмечалось, что «следует приложить усилия для привлечения армян и других христиан и заселения ими Гиляна, Мазандарана, а число магометан стараться негласно убавлять, насколько возможно» (*Комаров В.В.*, 1867. Т. 68. С. 606–607).

Интересен документ, связанный с планами Петра I поселить «армян по рекам Сулаку, Аграхани и Терку, где они пожелают» (*Голиков И.И.*, 1790. Т. 1. С. 385–386).

Российским властям было известно, что в районах Прикаспия, от Дербента до Баку, проживали армяне, желающие получить покровительство России. Множество армян, проживавших в Шемахе и окрестных деревнях, страдало от притеснения со стороны персидских властей, поэтому им приходилось надеяться на покровительство России. Надо отметить, что программа заселения районов Прикаспия армянским населением разрабатывалась при русском дворе еще до Каспийского похода Петра I, но реальное воплощение получила в условиях изменения военно-политической обстановки, сложившейся в Иране и Закавказье.

15 апреля 1724 г. комендант крепости Святого Креста Кропотов сообщал в своем рапорте в Государственную коллегия иностранных дел, что он, согласно императорскому указу, готов предоставить армянам, прибывшим в Святой Крест, земли в районах Сулака, Аграхана или Терека, где они пожелают (Сношения России с Персией (1720–1809 гг.). Л. 11 об.).

В другом документе, адресованном тому же Кропотову, Петр I писал: «Учини им всякое вспоможение, и содержать тебе оных в крепком сохранении, и поступать с ними таким порядком,

дабы отнюдь от них никаких жалоб произойти не могло, понеже мы оной армянский народ во особливо нашу императорскую милость и протекцию приняли. Дан в Санкт-Петербурге 10 ноября 1724 г. Петр» (*Голиков И.И.*, 1790. Т.1. С. 385–386).

Получив императорский указ, русские военные власти в Прикаспии вплотную занялись вопросами заселения армянского населения в районах русского влияния.

К концу 20-х гг. XVIII в. наблюдается новый поток переселенцев армян из районов Карабаха и Зангезура на Восточный Кавказ.

Активизация переселенческой политики Российского государства была связана и с обострением международной обстановки в Закавказье в конце XVIII в. Русско-турецкая война 1787–1791 гг. убедила русское руководство в необходимости укрепления Кавказского тыла. А.В. Суворов и Г.А. Потемкин приняли меры по укреплению Кавказской военной линии, на которой располагались 10 крепостей при казачьих станицах (*Потто В.А.*, 1887. С.92).

В лице армян Россия видела своих союзников против Турции, поэтому армянская колонизация затронула и населенные пункты, и крепости, расположенные на Кавказской линии.

Расчитывая на выгоды, которые могли принести заселение армянами необжитых земель и экономическая деятельность переселенцев на этих территориях, Павел I в апреле 1799 г. дал распоряжение Правительствующему Сенату о предоставлении армянам, вышедшим из Персии, земельных пространств, вдвое больших, чем было обещано первоначально: «...для них (армян. – Авт.) по распоряжению астраханского губернского правления в 1797, 1798, 1799 годах назначали земли по собственному их избранию в том Кизлярском уезде...» (Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем. Д. 2027. Л. 10 (об)). На армян распространялся такой режим благорасположения, что были осуществлены планы построить в Прикаспии отдельный город, основным населением которого должны были быть армяне. В местечке Старые Мажары предполагалось начать строительство нового города, а назвать его хотели Святой Крест. Всем переселенцам, решившим здесь обосноваться, были обещаны привилегии и льготы, дарованные их соотечественникам, живущим в России.

В официальной ведомости, составленной почти через десять лет после основания этого поселения, значится, что в Мажарах поселилось 55 армянских семей (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720 – 1877). Оп. 3. Д. 220. ЛЛ. 98–100 об.).

Некоторая часть вышедших из областей Дербента и Мушкура армян, в особенности торговцы и ремесленники, поселилась в Кизляре, а земледельцы обосновались в районе реки Терек, поселившись в трех деревнях: Дербентской, Караджалиле и Молахалиле. В частности, известно, что на 1 ноября 1827 г., по ревизским данным армян, в Молахалиле – 279 душ; в Дербентском – 232; в Караджалиле – 369, а во всех трех – 880 душ (Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем. Д.2027. Л.10).

Значительная часть армян, осевших на юге России в конце XVIII в., представляла собой выходцев из Карабаха. 7 октября 1797 г. император Павел I издал указ о взятии под покровительство России карабахских меликов и их подданных (11 тысяч семей) и поселении их на Кавказской линии (Собрание актов, относящихся к истории армянского народа., 1833. С.32). В 1798 г. часть карабахцев осела в Кизляре (*Вейденбаум Е.*, 1888. С. 241).

Карабахские армяне поселились не только в Кизляре и его окрестностях, но и в деревне Караджалил. Село Караджалил в некоторых источниках иногда называют Карабагли, поскольку в нем преобладали выходцы из Карабаха (*Гукасян Я.*, 1914. С.10.).

По сведениям Н.Г. Волковой, в результате миграционных процессов к 1816 г. в обществе кизлярских армян насчитывалось до 4,4 тыс. человек. (*Волкова Н.Г.*, 1974. С. 200).

В 1817 г. из Персии переселилось еще 219 семей и в 20-е годы общее число армянских жителей было 5092 человека (2656 мужчин и 2436 женщин). В середине XIX в. армянское население в Кизляре составляло 8460 чел. при общем числе жителей города в 15 тыс. человек.

Судя по письменным источникам, армянские купцы осваивали Кавказ задолго до формирования армянского населения Северного Кавказа. В XVII вв. армянские купцы были довольно многочисленны в Дербенте и Шемахе, откуда они имели возможность через Астрахань вести активную торговлю с Россией. В первой четверти XVIII в. И. Гербер отмечал, что «в Дербенте много купеческих людей из персианов, армянов; грузинов и индийцев» (*Гербер И.Г.*, 1958. С. 63). В многочисленных исследованиях нашла свое отражение и переселенческая политика России на Северо-Восточном Кавказе. В XVIII в., после петровских походов в Прикаспийские области усилился поток армянского населения из Персии и Турции в этот край. Благодаря привилегиям, предоставленным армянским купцам, участились поездки по торговым делам армян

из Дербента, Шемахи и других районов Закавказья в районы Терека и Прикаспия (*Гарунова Н.Н.*, 2007. С. 128).

В основном армяне занимались торговлей. Среди торговцев были и купцы II гильдии, и те, которые занимались мелочным торгом. Были среди них и разные ремесленники: шапочники (В.А. Погосов, Б.Н. Аветисов), портной (К.С. Степанов), печник (К.Л. Тарасов), кровельщик (А.А. Матос) и т.д.

При изучении журналов генеральных проверок торговых и промышленных заведений Дагестанской области из ЦГИА Азербайджана за 1876–1881 гг. нами было выявлено, что в эти годы из 302 торговых и промышленных заведений Темир-Хан-Шуры 81 заведение принадлежало армянам, то есть почти каждое 3–4 заведение.

В литературе часто отмечается занятие армян виноделием, подчеркивается их роль в развитии этой отрасли. Так, в работе М. Балласа «Историко-статистический очерк виноделия в России», изданной в Санкт-Петербурге в 1887, отмечается, что история русского виноделия началась с появлением в Дербенте армян и предпринятых Петром I после Персидского похода шагов, направленных на развитие и повышение культуры производства в виноградарстве и виноделии в завоеванных у Персии провинциях, в первую очередь в Дербенте (*Баллас М.*, 1887. С. 46). Об этом же свидетельствует дело о содействии жителям г. Кизляра (армянам и грузинам) в развитии садоводства, виноделия и шелководства (Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем. Д. 2495).

Известно, что Петр I обращал внимание на развитие тех отраслей хозяйства, которые могли бы приносить доходы в казну, что он осматривал в окрестности Дербента «преизрядные сады, в которых растут разные вкусные плоды, а особенно превосходный виноград, и сожалел, что из него не могли делать хорошее вино, что и заставило монарха помышлять достать из Венгрии хорошего мастера для делания из сего винограда наилучших вин» (*Иноземцева Е.И.*, 2001. С. 74).

С. Броневский отмечал, что армяне «торопились как-нибудь сделать вино и как-нибудь продать сырые плоды», что они умеют делать хорошее вино «не на продажу, а для собственного употребления» (*Броневский С.*, 1823. С. 452).

Надо сказать, что история виноделия Дербента и Дагестана в целом начинается задолго до появления здесь армянских общин. Чихирь из Дербента, Каякента, Араканы и других мест пользовался спросом и за пределами мест его производства.

Хорошего качества и специфического вкуса кипяченое вино «Мусты» делали кайтагцы. Терские казаки освоили виноградарство и виноделие до появления в Кизляре армянской общины.

В 1858 г. А. Берже писал, что в горнодолинных сс. Гимры, Унцукуль и Чиркей изготавливают вино, которое кизлярские армяне продают под именем «тавлинского вина» или «горского чихиря», вдоль всей Терской линии до самого Георгиевска» (*Берже А.*, 1859. С. 283).

С конца 80-х и особенно в 90-е гг. XIX в., главным образом, на прикаспийской низменности, в первую очередь в районах городов и важных административных и торговых центров, стали быстро расти виноградные и плодовые сады. Развитие товарно-денежных отношений привело к вовлечению в русло рыночных отношений население Дагестана. Однако занятие исключительно торговлей признавалось, по замечанию С. Броневского, «за весьма низкое ремесло между Кавказским рыцарством...» (*Броневский С.*, 1823) Трудно преодолимым препятствием для мусульманского населения Дагестана было занятие виноделием и тем более торговлей вином, которые, по шариату, являются греховным промыслом. Собственно этим объясняется тот факт, что виноделие как промысел со второй половины XIX века почти полностью находилось в руках армян.

Первое десятилетие XIX в. характеризуется бурным развитием виноградарства в низовьях Терека благодаря хорошему и устойчивому спросу на внутреннем рынке, близости дешевого водного пути в центральные районы страны, а также отсутствию конкуренции, вызванной еще и тем, что начался период наполеоновских войн в Европе и континентальной блокады, что крайне отрицательно сказалось на ввозе зарубежных вин в Россию (*Емельянов О.Б.*, 2007. С. 50–51), а это, в свою очередь, стимулировало производство отечественных вин и спирта. Виноградная водка (так называемая «Кизлярка») и виноградный спирт были более удобны, так как не портились и не требовали дополнительных затрат при перевозках. Технология была не очень сложной. В «Вестнике виноделия» отмечается: «Выкуривали водку в огненных аппаратах, а затем на продолжительное время выдерживали в дубовых бочках. Чем более ее выдерживать, тем более она будет желтой, напоминать французский коньяк» (*Севрюков А.А.*, 1907. С.90).

Надо учесть, что водка «Кизлярка» заменяла на русских рынках виноградную французскую водку благодаря не только низкой цене, но и высокому качеству, и еще более подняла славу

Кизляра, как главного центра виноделия России. (*Севрюков. А.А., 1907. С.91*). О водке «Кизлярка» писали: «Водка, получавшаяся в Кизляре чисто кустарным способом на огневых кубах при медленной гонке, обладала прекраснейшими качествами и пользовалась громкой известностью в Нижнем Новгороде и вообще в России, под именем «Кизлярки», успешно конкурируя с французской водкой» (*Саломон А.Е., 1897. С. 188.*) Несмотря на дальность расстояния, продукция виноградарства кизлярцев вывозилась армянскими купцами в обе столицы, а также в Ригу, Воронеж, Казань, Тамбов, Харьков, Курск и другие города Российской империи (Кавказский календарь на 1846. Тифлис, 1845. С.19). В 1807 г. (согласно Указу 1803 г.) в Кизляре было открыто первое в России училище виноградарства и виноделия, подчинявшееся Кизлярскому коменданту (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720–1877). Оп.4. Д. 168. Л.8; Оп.1. Д. 18. Л.25).

К 20-м гг. XIX в. виноградарство достигло наибольших темпов, что позволило краю превратиться не только в главный центр виноградарства и виноделия России, но и в крупнейший в мире центр производства дешевых вин. В период сезона было задействовано все свободное население, дело доходило до курьезов. В прошении Кизлярской армянки Шакаровой от 5 сентября 1832 г. содержится просьба об освобождении ее сына Авакима из-под стражи на 2 недели по случаю уборки винограда (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720–1877). Оп.4. Д.489. Л.3).

К 30-м гг. XIX в. темпы развития виноградарства замедлились, а затем стали падать. Это видно из сведений о жителях Кизляра, имеющих спиртокурительные заводы за 1840, 1841, 1842 гг. (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720–1877). Оп.4. Д.489. Л.3; .. Оп.1. Д.965. Л.4; Оп.5. Д. 163. Л.1; Оп.5. Д.224. Л.6). К 1860 г. можно говорить об упадке виноделия в Кизляре. Заводы закрывались, цены на вино (50 коп. за ведро) едва перекрывали транспортные расходы. На короткий промежуток времени выход был найден в продаже вина многочисленным войскам, расквартированным в Терской области, Чечне, Дагестане. Основную роль в торговле вином играли именно армянские купцы, т.к. горцы спиртными напитками предпочитали не торговать по религиозным соображениям.

Занимались армяне и садоводством. Хотя основными садовладельцами в Дербенте являлись местные жители-мусульмане, и их сады отличались небольшими размерами. В 80–90-х гг. появляются и довольно крупные виноградные сады, принадлежащие пришлым предпринимателям. Среди последних видное место занимали садоводы-армяне. Если у дербентских жителей-мусульман средний размер сада в 1896 г. был менее десятины, то у садовладельцев-армян он был более 3 десятины.

В «Истории Дербента» Е.И. Козубского приводятся следующие сведения, свидетельствующие о значительной роли представителей армянской диаспоры в садоводческом хозяйстве региона:

Аваков Матвей Иванович – владелец сада в 1213 рублей и земли в 40 руб.; Буниятов Иван Акимович – земли в 50 руб. и сада в 2400 руб.; Иерусалимьянц Илья Мартинович – владелец сада (*Козубский Е.И., 1806. С. 320.*); Тер-Газарьянц Сакрат Арсеньевич – совместно с родственниками 6 кап. виноградного сада; Аствацатуров Моисей Иванович – виноградного сада в 20 кап (*Козубский Е.И., 1806.С. 325*). Папаев Никита Романович – 2 гильдии купец, владелец сада; Папаев Моисей Романович – сын купца, имеет 2 сада (*Козубский Е.И., 1806. С. 320*); Мелик-Шахназаров Осип Минасбекович – купец, 3 виноградных сада 29 1/2 кап. и пахотная земля; Погос Макар Герасимович – купец, имел 2 виноградных сада (Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892 г. С. 4, 5, и др.). Виноградные сады начали увеличиваться с конца 70-х. Так, в 1879 г. было засажено виноградом 300 десятины, к середине 80-х гг. виноградники Дербента занимали площадь, равную 1,113 десятины.

В г. Дербенте, с целью распространения в народе преимущественно путем практических занятий основных агрономических знаний в области садоводства, виноградарства, виноделия и огородничества, с разрешения министра государственных имуществ, департамента земледелия с Дербентским городским общественным управлением при Дербентском городском общественном управлении, была открыта школа 1-го разряда. (Дербентское городское общественное управление Дагестанской области, г. Дербент. (1896–1918). Л. 1). Школа начала свою работу с 28 сентября 1904 г. В ней было три специальных и два подготовительных класса. Курс учения (три года) разделялся на три класса, которые состояли из теоретического изучения предметов и практических занятий (Дербентское городское общественное управление Дагестанской области, г. Дербент. (1896–1918). Л. 1).

Совершенно новым делом для Дагестана стала промышленная сушка фруктов и овощей. Так, в 1893 г. департамент земледелия отправил в Дербент через военного губернатора Дагестанской

области оборудование для публичной демонстрации сушения плодов. Окончивший школу садоводства в Тифлисе Макарянц в сентябре 1893 г. демонстрировал перед местными жителями разные способы сушки плодов. Интенсивное развитие в г. Дербенте виноделия и винокурения вызвало распространение сопутствующего виноделию бондарного промысла. К началу 90-х гг. в Дербенте было до 30 мелких бондарных кустарных производств. Сюда прибывают кустари-горцы и открывают свои слесарные, медные и другие мастерские. К концу века здесь насчитывалось 293 разные лавки, 26 виноградо-водочных заводов, было учтено 717 ремесленников (История Дагестана, 1967. С. 198).

К началу XX в. на Северном Кавказе наблюдается подъем предпринимательской деятельности. Особая активность армянских предпринимателей в активизации экономики объясняется внушительными капиталами, которыми они располагали на тот момент. Архивный материал свидетельствует о том, что доходы армянских купцов были высокими (Податный инспектор Даргино-Табасаранского участка Бакинской казенной палаты, г. Дербент Дагобласти. (1894–1920). Оп.1. Д.30. Л. 23; Податный инспектор Даргино-Табасаранского участка Бакинской казенной палаты, г. Дербент Дагобласти. (1894–1920). Оп.3. Д. 17. Л.16 (об), Л. 12; Л.15). Их вложения в промышленное производство были весьма весомы.

В связи с увеличением числа армян и выходцев из восточных стран в последней четверти XVIII века, в Кизляре были созданы армянский и азиатский суды.

Жалованная грамота Российского правительства 1799 года даровала армянам право на самоуправление, а до ее получения Кизлярская армянская община подчинялась Астраханскому армянскому ратгаузу (См. подробнее *Аганесова Д.В.*, 1999. С. 7). Согласно этой грамоте, в 1800 г. был учрежден армянский суд в Кизляре. Содержание суда, его канцелярии и делопроизводителя было возложено на армянскую общину.

Армянский суд Кизляра пользовался широкими правами. Он рассматривал судебные дела, руководил текущей жизнью общины, следил за сборами народа, решал правовые и административно-хозяйственные вопросы. Судопроизводство велось на армянском языке и в соответствии с национальными обычаями и нормами права (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720–1877). Оп.3. Д. 155. Л. 29–30). Такие же Армянские суды, в которых: «...должны рассматриваться означенные дела их между собою на Армянском языке по прежним народа сего правам и обыкновениям» (Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем. Оп.1. Д.2027. Л. 9 (об)), были и в других селах и городах, где проживали армяне. В частности, в декабре 1829 г. графу И.Ф. Паскевичу Эриванскому пишет Д. Дашкевич: «Дербентские и Малахалинские армяне утруждали Государя Императора всеподданнейшего просьбою о приведении в исполнение дарованное им право и привилегии и об учреждении в их селениях, на основании пожалованной обществу их Государем Императором Павлом I, 28-го октября 1799 г. Величайшей Грамоты, Армянского суда по примеру как оный учрежден в Астрахани, прочих городах и селениях...Ваше сиятельство на отношении Зам. Министра внутренних дел, к коему сие всеподданнейшее прошение препровождено было по высочайшему повелению на рассмотрение, изволили между прочим отозваться, что к учреждению Армянского суда в селениях упомянутых армян для разбора тяжбных и исковых дел, не предвидится никакого препятствия...Комитет Министров по выслушании таковой записки моей полагал: дозволить учредить в селениях Дербентских и Малахалинских армян на сем основании Армянский суд. В заседание 3-го декабря объявлено Комитету, что Государь Император положение Комитета Высочайше утвердить соизволил о таковом...» (Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем. Оп.1. Д.2027. Л.Л. 35–36).

В марте 1840 года императорским повелением армянский суд был упразднен, было приказано пользоваться общими судами в связи с тем, что армяне уравнились в правах с русскими (См. подробнее: *Аганесова Д. В.*, 1999. С.80):

Устройству армянских переселенцев в Кизляре уделялось особое внимание. Армянам гарантировались некоторые льготы: право на свободную торговлю, освобождение от пошлин и постоя войск и другие. Такие уступки армянским переселенцам объяснялись тем, что русские власти стремились привлечь в город как можно больше армянского населения, чтобы, «видя императорскую милость, многие стремились переселиться из приграничных районов и поселений в Россию» (Главный архив. Л. 8).

По мере увеличения населения в Кизляре росло и число армян-переселенцев из районов Ирана и Турции. Л. Христофоров обращался к гиланским армянам с предложением о переселении их в Кизляр. В результате его деятельности население Кизляра пополнилось еще 500 семьями из

Гиляна. Их решение о переселении в Кизляр было продиктовано и тем, что после ухода русских войск из прикаспийских районов иранские власти стали преследовать армян за их приверженность России.

В Кизляр стали переселяться и армяне, которые проживали в деревнях Большой и Малой Кабарды, в Аксае, Костеке, Эндирее, Казанище и в других населенных пунктах, поэтому армянское население в Кизляре увеличивалось.

В 1754 г. в Кизляре была построена деревянная армянская церковь, а в 1772 г. в городе, в связи с увеличением численности армянского населения, действовали уже две.

Кизляр возник на древней сухопутной международной трассе, связывающей Европу со странами Востока и, естественно, стал выполнять функции важного транзитного узла в торговле России с Персией и государствами Кавказа и Закавказья. С другой стороны, Кизляр, продолжив исторически сложившиеся традиции своих предшественников – Терского города и крепости Святого Креста – со времени своего основания стал средоточием русско-северокавказских, в том числе и русско-дагестанских экономических связей. Но особенно важно то, что Кизляр становится и важнейшим экономическим центром, где народы региона осуществляли торговые контакты между собой.

Следует отметить, что с первых же лет заселения армянская диаспора Кизляра постоянно пополнялась новыми переселенцами. Исследователи отмечают, что «со времени укрепления позиций Русского государства в Прикаспии иммиграция армянского населения в этот край приобрела особый размах. Здесь армяне были свидетелями совершенно другого отношения к переселенцам: отсутствие национальной и религиозной дискриминации, опасности физического уничтожения, грабежа и произвола» (Гарунова Н.Н., 2007. С. 126).

Политика, благосклонная к армянам, была заложена Петром I по многим причинам, одной из которых было развитие торговли России с Востоком. Российская ориентация армянского национально-освободительного движения окончательно сформировалась именно при Петре I (Григорьян Н.А., 2002. С. 12). Не случайно именно при нем вышел указ Сената такого содержания: «Персидский торг умножить, и армян, как возможно, приласкать, и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для их большего приезда» (Соловьев С.М., 1962. С. 353; Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII века., 1978. С. 42).

Во второй половине XVIII в. правительство России продолжало петровскую политику переселения армян, руководствуясь необходимостью прикрытия «Кавказского тыла».

Екатерина II считала армян хорошими торговцами, дипломатами, ремесленниками, архитекторами, каменщиками, ювелирами. По ее указу, следовало создать для армян такие условия, при которых к ним желали бы присоединиться и те, что живут за границей (Агаян Ц.П., 1994. С. 139).

Имея коммерческие связи в странах Востока и пользуясь покровительственной политикой Петра I и в дальнейшем Екатерины II, Павла I и прочих, армянское купечество сумело занять ведущие позиции в восточной торговле России.

Начало XIX в. ознаменовано пополнением армянской диаспоры Кизляра переселенцами из числа российских армян и иранских переселенцев. В 30-е гг. XIX в. прирост армянского населения в Кизляр стабилизировался. Это объясняется тем, что община стремилась сохранить свое привилегированное положение путем сохранения определенной замкнутости проживания, не допускающей притока новых переселенцев. Другой причиной может быть некоторая стабилизация положения в Закавказье. С этого времени начинается и постепенный отток армянского населения Кизляра в другие населенные пункты Северного Кавказа, где они надеялись на более благоприятные условия для осуществления торгово-экономической деятельности. В 1832 г. армянское население Кизляра составляло 5428 человек (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр (1720–1877). Оп.5. Д.39. Л.3.).

По данным же статистической комиссии Терской области за 1875 г., по социально-экономическим причинам начинается отток армянского населения из Кизляра и вскоре этот процесс становится необратимым.

Следует отметить, что приморский Дагестан издревле был контактной, интегральной зоной для народов Северо-Восточного Кавказа и России: через него проходила древняя торговая магистраль, сообщая между собой не только Европу с Персией и Индией, но и народы Северо-Восточного Кавказа. Здесь в основанных русскими городах – в Терки, крепости Св. Креста, Кизляре и в древних торговых центрах Дагестана – в Дербенте, Тарки, Эндирее – непрерывно

шла крупномасштабная транзитная торговля между Востоком и Западом, в которую в той или иной степени были включены и народы региона, в том числе и армяне.

Изучение данных о коммерческой деятельности армянских купцов и их торговых оборотов в Прикаспии свидетельствует о том, что они проявляли в этой области большую активность, так как лучше других знали, как прибыльно здесь торговать (*Иноземцева Е.*, 1998. С.6). Кизляр рано устанавливает прочные экономические связи с кумыкскими и чеченскими селениями, расположенными в радиусе 100–200 верст от города, с Северной Осетией и Кабардой. По имеющимся сведениям известно, что уже в 40-х гг. XVIII в. из Большой Кабарды в Кизляр поступали значительные партии товаров. Так, в 1745 г. оттуда в Кизляр некто Зорян привез только в одной партии товаров 633 руна шерсти, 448 овчин, 29 тулуков проса, 32 войлока, 7 брусков воска, много шаровар, ноговиц, седельных арчаков, бурок и горского сукна (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720–1877). Оп.1. Д.275. Л.21, 23).

Наиболее интенсивными были связи Кизляра с крупными кумыкскими и чеченскими селениями Эндирей, Аксай, Костек, Тарки, Брагуны, Старый Юрт.

Интересны сведения И. Лерха о том, «что наши купцы, кои разумели татарский язык, одни могли ездить с товарами далеко в горы без всякой опасности. Сперва свели они знакомство с татарами, кои в Кизляр приезжают для торговли, и называются кунаками, то есть братьями; когда они токмо сведут дружество, то и могут с таковым кунаком ехать даже до его деревни; и когда пожелает ехать далее, то сей дает другого кунака, коему он может поверить» (*Лерх И.Я.*, 1790. С.48).

Кизляр, став в 1735 году политическим и военно-административным центром Северо-Восточного Кавказа, сыграл особую роль в развитии экономики региона, превратившись в крупный торговый центр.

В начале XIX в. торговля Кизляра с горскими народами Кавказа получила дальнейшее развитие. Согласно имеющимся данным, только в течение 4-х лет, с 1848 по 1852 гг., Кизляр посетили 74122 горца, которыми было доставлено сюда товаров (своего собственного производства и привезенных с Востока) на сумму 461168 р. и вывезено из Кизляра «в свои места» русских товаров на сумму 489022 руб. (Кавказский календарь на 1853, 1852. С.285).

Судя по данным архивных документов Кизлярской таможни, за 1825 г. (Астраханская портовая таможня // Л. 81–82, 91–92, 103) в торговле Кизляра большой удельный вес приходился на армянское купечество.

Большая часть армянского населения Кизляра была занята в сфере торговли (*Аганесова Д.В.*, 1999. С.90–131). Мамаджановы, Фабриковы, Измировы, Калантаровы и другие знатные и богатые армяне сыграли известную роль в экономической истории Кизляра.

Судя по архивным материалам, с середины XIX в. происходит некоторое уменьшение первенствующей роли армян в восточной торговле России – главным образом в результате постепенной ликвидации данных им еще в XVIII веке привилегий и льгот (Астраханское армянское общество (1774–1888). Л. 63 (об); Кизлярское городское полицейское управление Терской области, г. Кизляр. (1804–1904). Л.121). Военные события Кавказской войны отрицательно повлияли на развитие торговых дел. И, тем не менее, к середине XIX в. Кизляр сохраняет свое значение крупного торгового центра.

П.П. Заболоцкий, который во время своего путешествия по Кавказу в 30-х гг. XIX в. побывал в Кизляре, писал: «Кизляр превосходит прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханской, Нижегородской, Екатеринбургской, Харьковской, Курской, с обеими столицами, горскими и кавказскими народами» (*Заболоцкий П.П.*, 1838. С. 16–17).

В первой половине XIX в. в низовьях Терека появились первые промышленные предприятия, однако, большее промышленное значение приобрели другие города, что было связано с началом освоения богатых ресурсов края.

Для народов Северо-Восточного Кавказа русские города-крепости со времени их основания имели исключительное значение не только как политический и экономический, но и как культурный центры региона. Так, Кизляр по праву называли «русской столицей на Кавказе», а всю огромную территорию, включающую северную часть современной Республики Дагестан, Чечню, Ингушетию, Кабарду и часть Северной Осетии, – «Кизлярским краем».

Система управления городом была сословной, а социальное развитие протекало довольно своеобразно. Первые поселенцы, осваивающие эту территорию, уже были социально неоднородны. Среди них имелись привилегированные лица, в городе четко была выражена имущественная и социальная дифференциация. Купеческое сословие было одним из самых

многочисленных. В конце XVIII в. в городе возникло три гостиных купеческих дома – русский, армянский и татарский, помимо рынков, лабазов и лавок. Купцы первой и второй гильдии вели оптовую торговлю, купцы третьей гильдии занимались более мелкими торговыми операциями. Так, в отчете за 1835 г. сообщалось: «Главный предмет занятия здешнего (кизлярского. – Авт.) купечества есть покупка в Дербенте, Кубе, Баке и вообще во всех местах, от Персии присоединенных, шелку, марены, отправка оных в Москву, в Астрахань; прочее же купечество ведет небольшой торг привозимыми с Макарьевской ярмарки разным красным мелочным товаром, и то в незначительном количестве» (Цит.: *Гриценко Н.П.*, 1961. С.77).

Большинство купеческого сословия Кизляра составляли армянские купцы и тезики. Им, по данным 1835 г., в городе в общем принадлежало 938 домов (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720–1877). Оп.4. Д.633. Л.4). В начале 30-х гг. XIX в. более десяти кизлярских купцов из армян имели крупный капитал и пользовались правом ведения торговли в Российских городах. В Кизляре же гораздо большее число армян торговало российскими и импортными товарами. Их торговый оборот достигал 60 тыс. руб. в год. Так, в 1841 г. в торгово-коммерческой деятельности города Кизляра было задействовано 8 купцов-армян второй гильдии и 91 купец третьей гильдии (Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720–1877). Оп.4. Д.633. Л.4).

Как уже отмечалось, в Кизляре в XVIII в. сформировалась довольно крупная армянская диаспора. На первых порах все хлопоты по организации образования детей армян взяла на себя армянская церковь, наладив процесс обучения на уровне церковноприходских школ. Были также предприняты попытки местных властей организовать работу по подбору учащихся из числа «турецких, персидских, татарских, армянских... детей для обучения в Астрахани» (*Голикова Н.Б.*, 1982. С.41) от 10 лет и старше.

Оплату за обучение, расходы на пропитание и одежду брали на себя власти. Тот факт, что это распоряжение было сделано по указу императрицы Елизаветы Петровны и поддержано Коллегией иностранных дел, свидетельствует о том, что дело образования молодого поколения кизлярцев – представителей многонационального общества города – рассматривалось на государственном уровне, и ему придавалось очень серьезное значение (*Аганесова Д.В.*, 1999.С.152).

Первая армянская школа, именуемая в некоторых источниках духовным училищем, была открыта предположительно в 1817–1818 гг.. В ней преподавал известный армянский просветитель, автор книги под заглавием: «Описание достопамятных происшествий в Армении, случившихся в последние 30ть лет, т.е. от патриаршества Симеонова (1779) до 1809 г.» Е. Хубов (Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем. Оп 1. Д. 252. Л.3). Это учебное заведение было призвано давать как светское, так и духовное образование (*Савинский И.*, 1905. С.183).

Содержание этого учебного заведения взяли на себя состоятельные кизлярские армяне. В школе изучались основы религии, армянская и русская грамматика, риторика, арифметика, торговая бухгалтерия.

В 1820 г. по ходатайству попечителя Казанского учебного округа М. Магницкого в Кизляре было открыто училище для армянских юношей, которое в течение длительного времени оставалось одним из важнейших центров образования на Северо-Восточном Кавказе.

Материальную поддержку уездному училищу оказывала не только кизлярская армянская общественность, но и городские власти. В 1829 году в нем обучались 138 учеников. Школьная библиотека насчитывала 878 книг (*Аганесова Д.В.*, 1999. С. 155).

По имеющимся данным, в 60-х гг. XIX в. образование в этом училище получили более 100 выпускников, 2/3 которых были дети кизлярских армян, грузин и татар, а 1/3 – дети русских из «слободки».

2 июня 1837 г. по ходатайству Эчмиадзинского Синода и с разрешения предводителя Астраханской епархии в Кизляре была открыта школа для обучения детей армянских духовных лиц города и его окрестностей. Деньги за оплату труда учителей и на другие расходы выделялись горожанами в качестве частных пожертвований. Следует отметить тот факт, что в кизлярском училище «дети мирян» составляли большинство, а детей духовных лиц было мало (*Аганесова Д.В.* 1999. С. 159).

Таким образом, к середине XIX в. армянская диаспора в городском ландшафте Дагестанской области, особенно в сфере промышленной и торговой, занимали свою нишу прочно и основательно.

ЛИТЕРАТУРА

Аганесова Д.В. Армянская диаспора Нижнего Терека (XVIII–XIX вв.): Дисс.... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. – 207 с.

Агаян Ц.П. Россия в судьбах армян и Армении. М.: Международный гуманитарный фонд Арменоведения им. Академика Ц.П. Агаяна. Армянский институт политологии и международного права, 1994. – 318 с.

Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII века. Сборник документов / Под ред. А. Ионисяна. Ереван, 1978. Т. 3. – 256 с.

Астраханское армянское общество (1774-1888) // ГААО. Ф.541. Оп. 1. Т. 2. Д. 1.

Астраханская портовая таможня // ГААО. Ф. 681. Оп.1. Т.2. Д.3136.

Баллас М. Историко-статистический очерк виноделия в России. (Кавказ и Крым). С.-Пб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1877. – 166 с.

Берже А. П. Материалы для описания нагорного Дагестана. Тифлис: тип. Гл. упр. наместника Кавк. // Кавказский календарь на 1859. Тифлис, 1858. С.250–288.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.2. М.: Типография С. Селивановского, 1823. – 465 с.

Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888. – 434 с.

Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. – 208 с.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., Наука. 1974. – 276 с.

Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XIII – первой половине XIX в.: проблема политической, экономической и культурной интеграции // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Махачкала, 2007. – 393 с.

Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. / Архивные материалы. М.: Восточная литература, 1958. – 371 с.

Главный архив // АВПРИ. Ф. СПб. 1763. Оп. 11/25. Д.1.

Глинка С.Н. Обзорение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1833. Ч.2. – 310 с.

Голиков И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого. М.: Университетская типография у В. Огорокова, 1790. Т.1. – 443 с.

Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Московского университета, 1982. – 216 с.

Григорьян Н.А. Научная династия Орбели. М.: Наука, 2002. – 522 с.

Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. – 329 с.

Гукасян Я. Селение Карабагли (историческая справка). Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1914. – 19 с.

Дербентское городское общественное управление Дагестанской области, г. Дербент. (1896 – 1918) // ЦГА РД. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8.

Емельянов О.Б. Виноградарство – основное земледельческое занятие казачьего населения терского левобережья и виноделие в первой половине XIX века // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып.5. Пятигорск, 2006 – 153 с.

Заболоцкий П.П. Путевые записки из Астрахани, через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 годах // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1838. Ч. 29. №9. С. 11-34. – 600 с.

Иноземцева Е. Роль армянского купечества в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в. // Иран и Кавказ: Труды Кавказского центра иранистики. Тегеран, 1998. С. 5 –12.

Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 224 с.

История Дагестана. Т.2. М.: Наука, 1968. – 364с.

Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем // ЦГИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д. 252.–20л.

Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем // ЦГИА Грузии. Ф.2. Оп.1. Д. 2027.–73л.

Канцелярия Кавказского наместника. Краткий исторический очерк городов Закавказского края. Хронология важнейших событий в Кавказском крае (1250г. до н.э.-1845г.) и постановления правительства // Кавказский календарь на 1846 год. Тифлис: Типография Главного Управления Закавказским краем, 1845. – 247 с.

- Канцелярия Кавказского наместника // Кавказский календарь на 1853 [8-й год]. Тифлис: Типография Главного Управления Закавказским краем, 1852. – 684 с.
- Кизлярское городское полицейское управление Терской области, г. Кизляр. (1804 – 1904) // ЦГА РД. Ф.373. Оп.1. Д.627.
- Кизлярский окружной начальник Терской области, г. Кизляр. (1720 – 1877) // ЦГА РД. Ф.379.
- Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1806. – 486 с.
- Комаров В.В.* Персидская война 1722-1725 гг. Материалы для истории царствования Петра Великого // Русский вестник. СПб., 1867. Т. 68. № 4. С. 553–616.
- Лерх И.Я.* Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 по 1747 год (Перевод А. Клевецкого и М. Судакова) // Новые ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1790. Ч. 53.
- Лыцков В.П.* Персидский поход Петра I (1722–1723). М.: Издательство Московского университета, 1951. – 243 с.
- Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура: Русская типография, 1893. – 63 с.
- Оразаев Г.М.* Армянский элемент в топонимии Дагестана // Тезисы докладов конференции, посвященной итогам географических исследований. Махачкала, 1989. С. 99–100.
- Податный инспектор Даргино-Табасаранского участка Бакинской казенной палаты, г. Дербент Дагобласти. (1894–1920) // ЦГА РД. Ф.80. Оп.3. Д. 17.
- Податный инспектор Даргино-Табасаранского участка Бакинской казенной палаты, г. Дербент Дагобласти. (1894–1920) // ЦГА РД. Ф.80. Оп.1. Д.30.
- Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. Вып. 1. СПб. 1887. – 230 с.
- Саввинский И.* Астраханская епархия. (1602–1902 гг.) Вып. 2. Астрахань, 1905. – 288 с.
- Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч.1.М.: Книга по Требованию, 1833. – 415 с.
- История Дагестана, М.: Наука, 1967. Т.1. – 431 с.
- Саломон А.Е.* Основы виноделия. 2-е изд. Одесса, 1897. – 200 с.
- Севрюков А.А.* Виноград и виноделие // Вестник виноделия / Ред.-изд. В. Е. Таиров / Одесса, 1907. №7. – 502 с.
- Сношения России с Персией (1720 – 1809 гг.) // АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. Торговые договора между Россией и Персией. Д. 7. – 26 ед.хр.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 – начало 20-х годов XVIII века (Т.15-16) М., 1962. – 634 с.
- Собрание актов, относящихся к истории армянского народа. М., 1833. Ч.1.
- Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого, трудами тайного советника, губернатора Сибири и ордена Святого Александра кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала его превосходительства, бытность его службы морским офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями профессора Г.Ф.Миллера // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1763. Ноябрь. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1763. – 380 с.
- Тер-Саркисянц А.Е.* История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.: Восточная литература РАН, 2005. – 686 с.
- Шидловский Ю.* Записки о Кизляре // Журнал министерства внутренних дел, Ч. 4. СПб, 1843. С. 161–208.